

период завершается скорее где-то во второй четверти или середине IX в., когда начинает возрастать объем чеканки меди и складывается «средневековый» тип византийской монеты с ее религиозной символикой, греческой эпиграфикой и т. д.

Наконец, вторая четверть XI в. приносит новый перелом: резкое возрастание монетных находок, появление вогнутых монет — трахи, обесценивание монеты, первые опыты «милитаризации» иконографии императора, типично средневековая «предпочтительная» монета — все это очень существенные черты нового. Следует подчеркнуть, что изменения эти не были «византийской случайностью», но происходили одновременно с аналогичными сдвигами в монетном деле Запада и Востока: монетный кризис XI в. отражал, скорее всего, приспособление средневековой натуральнохозяйственной экономики к новому феномену — городской жизни.

А. К.

P. P. Joannou. *La législation impériale et la christianisation de l'Empire romain (311—476).* — «*Orientalia christiana analecta*», t. 192. Roma, 1972, 166 p.

K. - L. Noethlichs. *Die gesetzgeberischen Maßnahmen der christlichen Kaiser des vierten Jahrhunderts gegen Häretiker, Heiden und Juden.* Köln, 1971, II+350 S.

Трагическая смерть в автомобильной катастрофе 12 января 1972 г. унесла известного византиниста, историка византийской философии Перикла-Петра Иоанну. Рецензируемая книга, созданная им в связи с чтением курса в Мюнхенском университете в 1966 г., увидела свет уже после кончины автора.

Книга эта представляет собой своего рода регесты — в хронологическом порядке расположенный свод законов позднеримских императоров (311—476 гг.) в области религии (стр. 61—116). Свод состоит из трех элементов: даты, ссылки на источник и краткого содержания закона. Такая максимальная простота весьма удобна для первых справок, хотя, разумеется, исследователь хотел бы видеть в каждом случае отсылку к литературе, источниковедческую характеристику, сведения о том, кому закон был адресован, и т. п. Особенно удобным справочником делает издание Иоанну огромный предметный указатель (стр. 117—150), позволяющий без труда находить законы, затрагивающие тот или иной вопрос. Указатель включает свыше 250 статей. Для того, чтобы дать представление о затронутой в законах тематике, приведу список наиболее обширных статей указателя, отмечая в скобках число занятых строк: еретики (57), евреи (47), рабы (36), дети (35), клирики, иммунитет духовенства (по 31), церкви, язычество (по 28), брак (25), похищение ребенка, девицы и т. п., мятежники против церкви (по 21), манихеи (17), храмы языческие (16), епископы (15), евномииане, ограбление могил (по 13), аудиенция епископальная, жертвоприношения языческие (по 12), неверность супружеская, донос, магия, монахи, бедняки, схизматики, синагоги, вдовы, Рим (по 11), воскресенье, пасха, вторичное крещение, проституция, Константинополь (по 10). Таким образом, главное внимание законодатели уделяли иноверцам и еретикам, организации церкви (монашество занимало сравнительно малое место), семейным отношениям и рабству.

Диссертация молодого западногерманского ученого К. Л. Нэтликса посвящена очень близкой теме — законодательству римских императоров IV в. (от Константина до Феодосия I) относительно инаковерующих (гетеродоксов). Нэтликс рассматривает законы, зафиксированные в Кодексе Феодосия и в нарративных источниках. Работа распадается на ряд очерков — по царствованиям, и каждый из очерков, как правило, разделен на три части: законодательство о еретиках, т. е. внутрехристианских сектантах, о язычниках и об иудеях. Законодательство против гетеродоксов увязывается с политической ситуацией в империи: внешнеполитическая угроза, выступление узурпаторов, консолидация государства — все это, по справедливому суждению автора, сказывалось на отношении позднеримских законодателей к инаковерующим¹. Автор стремится также проследить подоплеку этих законов (см., например, стр. 23, 92), однако источники лишь в редких случаях позволяют судить о том, что против какого общественного строя (состоятельных или неимущих, аристократов или простонародья) было направлено то или иное постановление.

Основной вывод Нэтликса сводится к тому, что три направления римского законодательства IV в. против гетеродоксов развивались независимо друг от друга (стр. 197). Это проявляется прежде всего в «материальном» содержании законов — в природе запретов и наказаний за них: только язычникам возбранялись магические акции; смешанные браки и покупка рабов ограничивались лишь законами против иудеев; сожжению книг, запрет собраний, обучения, рукоположения в священники и строительства храмов применялись по отношению к одним еретикам (стр. 196). Далее,

¹ Связь религиозного законодательства с политической деятельностью императоров проступает, между прочим, и в том, что соответствующие законы Константина издавались осенью и зимой, тогда как летнее время он посвящал внешнеполитическим акциям (стр. 44).

три направления законодательства не совпадали между собой во времени. Так, суровые законы Феодосия I против христиан-еретиков вводились в 380—384 гг., тогда как антиязыческое законодательство этого императора падает прежде всего на 390—392 гг., когда преследование еретиков ослабевает (стр. 189 и сл.). Наконец, между этими направлениями имело место различие по существу: по отношению к иудеям осуществлялась политика изоляции, но терпимости — задача их обращения не ставилась, тогда как еретиков стремились обратить в православие, а язычников — в христианство (стр. 192).

При всей соблазнительности этого тезиса Нэтликса он не может не вызвать некоторой настороженности. В самом деле, если законодательство против гетеродоксов определялось политической ситуацией империи, то у всех направлений этого законодательства должна была быть общая причина: политическая напряженность и политическая консолидация должны были сказываться на отношении к еретикам и к язычникам. Это не значит, что они сказывались одинаково: напротив, преследование одних групп могло совпадать с временной терпимостью к другим. Обратимся, однако, еще раз к последовательности религиозной политики Феодосия I.

Законодательство Феодосия против еретиков начинается с эдикта от 28.II 380 г. (стр. 129), против язычников — с указа от 2.V 381 г. (стр. 166). Нэтликс говорит на основании этого об «относительно позднем» издании первого эдикта против язычников (стр. 181) — я бы скорее подчеркнул хронологическое совпадение начала законодательства в обоих случаях. Первая серия антиеретических законов Феодосия завершается указом от 21.I 384 г. (стр. 144), первая серия законов против язычников — указом от 20.V 383 г. об отпадших от христианства (стр. 169).

Между 384 и 388 г. Феодосий почти не издает законов против еретиков (стр. 163), и возможно даже, что к этому времени относится его постановление, дарующее некоторые уступки полуарианам (стр. 146 и сл.). Довольно вялым было и антиязыческое законодательство этих лет (стр. 169 и сл.); указ 385 г. был направлен против политических прорицателей, указ 386 г. регламентировал замещение должностей надзирателей за языческими храмами и празднествами.

В 388—391 гг. Феодосий вновь издает ряд указов, последний из которых (от 19.V 391 г.) предписывал изгнание еретиков из городов и сел (стр. 147—155). Одновременно публикуются законы против языческих праздников и магии (стр. 171 и сл.), а 24.II 391 г. император направил Альбину, префекту Рима, эдикт, воспрещающий языческие жертвоприношения и почитание идолов; чиновникам не разрешалось принимать участие в языческом богослужении (стр. 173 и сл.). Затем последовал еще ряд эдиктов против языческого культа, изданных в середине 391 г. и особенно в следующем году (стр. 174 и сл.). «391 годом датируются последние законы императора о язычестве» (стр. 177). И точно так же «накануне начала борьбы против Евгения законодательство против еретиков оборвалось — в ноябре 392 г. — и в последние месяцы правления уже не возобновлялось» (стр. 156).

Вопреки Нэтликсу законодательная активность Феодосия против еретиков и против язычников обнаруживает поразительный синхронизм, несмотря на то, что центр тяжести в первом случае падает на 381, а во втором — на 392 г.

Систематизированный Нэтликсом материал показывает, насколько далека была православная церковь IV в. от установления идеологической монополии. Императорская политика в отношении еретиков и язычников была оборонительной (стр. 193). Среди императоров Констанций (стр. 58) и Валент (стр. 92) были арианами, Валентиниан II, который так и не был крещен, признавал равноправие арианской церкви (стр. 122) и был терпим к язычникам (стр. 126). Констанций и Иовиан проводили политику терпимости (стр. 76), а также Валентиниан I (стр. 91 и сл.) и его сын Грациан (стр. 111). Исключение в этом ряду автор делает лишь для Константина Великого и Феодосия (стр. 193).

Именно на политике этих двух императоров специально останавливается Иоанну в двух главах, предшествующих своду. Религиозные позиции Феодосия I как будто бы не вызывают принципиальных дискуссий: мероприятия Феодосия недвусмысленно фиксировали победу христианства никейского толка и ставили вне закона как язычество, так и антиникейское вероучение, трактуемое как ересь². Некоторый нюанс, характерный для книги Иоанны, заключается в том, что Феодосий обрисован «убежденным римским католиком» (стр. 44); соответственно Иоанну утверждает, что на константинопольских соборах 381 и 382 г. отнюдь не проявлял себя оппозиция римскому авторитету (стр. 45). Думаю, однако, что речь шла не об убежденности Феодосия и его церковных советников в римском верховенстве, но о политическом союзе с далеким Римом против близкого и опасного Востока, где религиозное инокомыслие грозило стать знаменем политического сепаратизма. Другой важный момент заключается в том, что суровые угрозы Феодосия язычникам почему-то не помешали некоторым из них оставаться в ближайшем окружении императора (таков, например, Фемистий), а столетие после смерти Феодосия было в Восточной Римской империи периодом своеобразной регенерации языческой культуры, временем Прокла и Зосима. Я уже не говорю о том, что «победа ортодоксии» у Иоанну предшествует такому явлению, как вспышка

² См., например: A. Lippold. Theodosius der Grosse und seine Zeit. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1968, S. 102—115.

несторинства и монофиситства (несториане упоминаются в двух приведенных в книге законах, монофиситы вовсе не значатся в указателе).

Значительно более сложен вопрос об оценке религиозной политики Константина. В первой трети XX в. сложилось представление, развитое такими учеными, как О. Зеек и А. Грегугар, о том, что Константин поддерживал христианство из политических соображений; после Второй мировой войны все настойчивее пробивает себе место тенденция видеть в нем убежденного христианина, особенно детально развитая Х. Дэррисом³. Иоанну следует в этом вопросе за Дэррисом. Правда, сейчас уже нельзя вернуться к традиционной церковной концепции, будто бы Константин внезапно, под влиянием озарения, повернул в 312 г. религиозную политику Римской империи: Иоанну признает, что терпимость была дарована христианам еще Галерием в 311 г. (стр. 19—21), подчеркивая при этом, что нет никаких оснований считать инициатором закона 311 г. Константина; он берет в кавычки слова «Миланский эдикт» и признает лишь соглашение Лициния и Константина в Милане, заключенное в 313 г. (носившее, надо думать, негласный или полуофициальный характер), за которым последовали частные меры в развитие эдикта Галерия, например: предписание от апреля 313 г. вернуть Африканской церкви похищенное у нее имущество (свидетельство Евсевия). Эдикт же о веротерпимости был издан не Константином, а его противником Максимом Дайей в Никомидии, а затем повторен его победителем — Лицинием (стр. 22). Если прибавить к этому, что и Максентий проводил отнюдь не антихристианскую политику⁴, то роль Константина на первом этапе признания христианства (311—313 гг.) окажется весьма скромной, во всяком случае не уникальной.

Остается выяснить, как далеко зашел Константин в своей прохристианской политике после Никомидийского эдикта Лициния 313 г. Иоанну считает, что Константин действовал, «сознавая свою миссию и свое высокое назначение» (стр. 24), и что его законодательство было пронизано христианскими идеями равенства и гуманности, заботой о семейных устоях, о слабых, бедных, рабах. Впрочем, и тут Иоанну проявляет известную остроту, подчеркивая, что развитие Константина прошло «некоторые фазы» (стр. 24) — к сожалению, не определенные более точно, — и что от Константина нельзя требовать, чтобы он был «больше христианином, чем большинство наших современников» (стр. 33). Таким образом, оговорки сделаны, но точки над *i* не поставлены.

Мне кажется, есть две проблемы, заслуживающие рассмотрения в этой связи. Прежде всего это историкокультурная проблема, распадающаяся в свою очередь на ряд вопросов. Как известно, сведения о мероприятиях Константина дошли до нас либо в изложении христианских апологетов, либо в составе поздних кодексов (преимущественно в Кодексе Феодосия). Бросается в глаза, что язык обеих групп памятников — разный. Если верить Евсевию или Афанасию, Константин говорил, как настоящий христианин; так называемое «Послание к провинциалам Палестины» от 324 г. (оно сохранено в Евсевиевом «Жизнеописании Константина»), имевшее вполне конкретную цель — вернуть христианам имущество, конфискованное у них в период гонений, снабжено преамбулой, которую Евсевий характеризует как христианское исповедание веры (стр. 23); Иоанну цитирует «Послание», где Константин будто бы снисходительно даровал язычникам свободу культа в таких примерно словах: «Даже те, кто пребывает в заблуждении, должны иметь свою долю в имперском мире: пусть они сохраняют храмы своей ложной веры» (стр. 32). Фразеология коренным образом расходится с задачей «Послания»: вводить терпимость для религий язычников, составлявших тогда более 90% населения, было явно преждевременно — еще нужно было укрепить терпимое отношение к христианам! Но оставим Евсевия: подлинные указы Константина, сохраненные в кодексах, не имеют специфически христианской фразеологии, за исключением единственно закона от 21.III 315 г., которым запрещалось клеймить лицо осужденного, ибо он создан по подобию божьему. Не значит ли это, что Евсевий и Афанасий, с одной стороны, и Константин — с другой, обращались к разным аудиториям? Более того, Евсевий в «Жизнеописании Константина» перечисляет мероприятия императора, как запрещение языческого культа, разрушение храмов, отмена жертвоприношений, но достоверность этого свидетельства довольно сомнительна в свете эпиграфически засвидетельствованного разрешения воздвигнуть в Гиспелле храм, посвященный родовому культу самого Константина (CIL, XI, 5265). Нэтликс отмечает это (стр. 29), что, впрочем, не мешает ему затем пользоваться данными Евсевия как достоверными (стр. 195. Ср. оценку мероприятий Константина на стр. 31 и сл.).

Далее, следует учитывать, что составители кодексов, работавшие уже в V—VI вв., как правило, не должны были включать законы, регламентировавшие отправление языческого культа (кроме законов, запрещавших его): лишь в виде исключения сохранились указы, разрешающие действия гарусников, если молния поразит общественное здание (17.XII 320); устанавливающие иммунитет профессоров и медиков (1.VIII 321, 27.IX 333), которые в ту пору почти все были язычниками; допускаящие магические процедуры против болезни и града (23.V 318). Уцелели те указы, которые так или иначе действовали при Феодосии II, — но сколько должно было потеряться

³ H. Dörries. Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins. Göttingen, 1954.

⁴ См. D. de Decker. La politique religieuse de Maxence. — Byz., 38, 1968. Работа Д. де Декера не учтена в рецензируемой книге.

силу в царствование Феодосия I? Впрочем, как отметил Нэтликс (стр. 54 и сл.), в Кодексе Феодосия (XVI, 10.3) сохранилось постановление императора Константа, охранявшее от христианских разрушений храмы за пределами римских городских стен.

Оставаясь великим понтификом, Константин соблюдал ряд языческих культов, вроде Непобедимого солнца или Гелиоса, строил языческие культовые здания и сохранял привилегии жрецов: так, закон от 29.XI 330 г. устанавливал привилегии иудейского жречества. Нэтликс (стр. 70) даже допускает, что в конце своего правления Константин покровительствовал язычникам. Как бы критически ни относиться к рассказу Зосима о крещении Константина, из него следует, что император, во всяком случае некоторое время, принимал участие в языческих празднествах и допускал гадания⁵.

Вторая проблема — определение тех постановлений, которые можно квалифицировать как христианские. К ним относятся указы, развивающие идею эдикта Галерия, например освобождение обращенных в рабство в период гонений (24.IV 314 г.) или запрещение принуждать христиан к жертвоприношению в языческих капищах (25.XII 323 г.). В них речь идет о том, чтобы обеспечить в отношении христиан терпимость. Далее, сюда следует отнести ряд податных привилегий христианскому клиру (17.VI 315 г., 21.X 319 г., 3.VII 321 г.), а также признание обряда отпуска на волю в церкви (8.VI 316 г., 18.IV 321 г.), признание воскресенья праздничным днем (3.III 321 г.) и судебных прав епископальной аудиенции (23.VI 318 г.). Наконец, был издан ряд указов против ересей (31.X 313 г., 1.IX 326 г., 25.IX 326 г.).

Большая группа законов Константина, включенных Иоанну в свой свод, не имеет, на мой взгляд, ничего специфически христианского: провозглашение справедливости и правосудия (13.V 314 г.), упрочение семейных связей, защита слабых и т. п. мероприятия (или политические формулы) применялись в разные времена независимо от вероисповедных убеждений: по этим критериям христианами были бы братья Гракхи и Катон Младший. Упрочение семейных связей, в частности, могло быть вызвано деспотическим вмешательством государства в частную жизнь — тенденция, восходящая не столько к апостолам Христа, сколько к Августу. Насколько она была «политической» и далекой от личного поведения Константина, свидетельствуют его суровые расправы в собственной семье: казнь сына и мужа сестры.

Наконец, в своде есть законы, явно противоречащие христианскому духу. Так, закон от 1.VIII 315 г. обрекал преступника на отдачу в гладиаторы (позднее гладиаторские игры были отменены Константином); отцеубийцу следовало карать по «древнему закону» — зашить в мешок со змеями и бросить в море (16.XI 318 г.), — так ли понимал Иоанну христианское милосердие? Закон о возвращении отпущенника в рабство за непочтение к патрону (13.IV 326 г.) никак нельзя причислить к «христианским», как и запрещение свободной женщине выходить за раба (1.IV 314 г.). Вряд ли христианскому духу соответствовало и отстранение незаконных детей от наследования (29.IV 336 г.).

Большую трудность для апологетов Константина создала его позиция в арианских спорах: в конце жизни император явно отошел от никейства, сослал Афанасия и принял крещение от епископа-арианина. Иоанну стремится смягчить впечатление от этих акций: «Несправедливо, — говорит он, — считать Константина арианом» (стр. 37; ср. стр. 39). Конечно, Константин не был арианом, но тем более он не был православным. Он был политиком, стремившимся к консолидации империи и оценившим удивительную силу упрямого меньшинства своих подданных в условиях всеобщего безразличия и апатии, но и не отказавшимся от поддержки языческого жречества. В вопросе о христианстве он был продолжателем Галерия — идею «Константинова переворота» создали Лактанций и Евсевий и закрепила византийская традиция.

А. К.

S. S z a d e c z k y - K a r d o s s. Ein Versuch zur Sammlung und chronologischen Anordnung der griechischen Quellen der Awarengeschichte nebst einer Auswahl von anderssprachigen Quellen. — «Acta Universitatis de Attila József nominatae. Acta antiqua et archaeologica», t. XVI: Opuscula byzantina, I. Szeged, 1972, 140 S.

Книга Ш. Садецки-Кардоша, выполненная при сотрудничестве Терезы Олайош, издана венгерским университетом в Сегеде как первый выпуск «Византийских исследований». Она распадается на две части. Первая — это свод византийских источников, упоминающих аваров или народы, связанные с ними. Сперва авторы предлагают условно-алфавитный список этих источников (сокращенные названия) с библиографическим полным указанием издания и отсылками к основным общим работам, как, например: «Byzantinoturcica» Д. Моравчика, «Kirche und theologische Literatur» Х. Г. Бека, «Извори за българската история», «Византијски извори за историју народа Југославије» и некоторые другие (стр. 9—24). По-видимому, следовало бы также

⁵ См. об этом пассаже: *F. Paschoud*. Zosime 2, 29 et la version païenne de la conversion de Constantin. — «Historia», 20, 1971.